

© 2009 г.

ДЕСЯТЫЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2008 г.)

Среди научных конференций, объединяющих специалистов России и стран СНГ в области истории и культуры античного мира, «Жебелёвские чтения», которые уже десять лет проводит кафедра истории древней Греции и Рима исторического факультета, без сомнения, заняли важное место. Очередные чтения состоялись 29–31 октября 2008 г. Они стали юбилейными – десятилетиями, поэтому оргкомитет конференции посчитал важным расширить число участников и круг обсуждаемых проблем. В этом году в конференции приняли участие антиковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Вологды, Воронежа, Иваново, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Ставрополя, Твери, Челябинска. Из зарубежных научных центров на конференции были представлены университеты Мартина Лютера (Галле-Виттенберг, Германия), Ройял Холлоуэй (Лондон, Великобритания), Никосии (Кипр), Хельсинки (Финляндия). На конференции был прослушан и обсужден 71 доклад.

Конференция открылась 29 октября пленарным заседанием. С приветственным словом к ее участникам обратились заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима, директор Центра антиковедения СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов*, а также участвовавший в работе конференции Генеральный консул Республики Кипр в Санкт-Петербурге *Антонис Саммутис*.

Э.Д. Фролов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад 150-летию юбилею В.П. Бузескула (1858–1931), выдающегося представителя нового социально-политического направления в русской науке об античности. Его главный научный вклад заключался в исследовании генезиса и развития демократии в древних Афинах. Вместе с тем он был крупным историографом, разрабатывавшим в своих трудах многие сюжеты античной исторической мысли и современного антиковедения. Насколько творчество этого ученого значимо и для современной науки истории, показывает тот факт, что только что вышел в свет в полном виде главный историографический труд В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (первое, неполное издание, без части, посвященной византистике и славяноведению, было опубликовано в 1929–1931 гг.). Новое издание этого капитального труда осуществлено стараниями известного петербургского специалиста по истории науки, директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И.В. Тункиной.

В докладе «Античные театры Кипра» *Антонис Саммутис* (Antonis Sammutis) подчеркнул, что Кипр развивался в русле общегреческой исторической и культурной традиции: на острове возник ряд греческих полисов, сформировались типичные для древней Эллады институты управления и формы общественной жизни. Докладчик отметил, что каменные театры стали строиться на Кипре позже, чем в материковой Греции – в эпоху эллинизма и в римское время. *В.М. Строецкий* (Нижний Новгород) в докладе «Особенности мировоззрения Геродота» раскрыл важнейшие черты философско-религиозных представлений «отца истории», которые в значительной степени определили характер его знаменитого произведения. В целом взгляд Геродота на мир сформировался под сильным влиянием религии и мифологии, но при этом мировоззрение знаменитого историка подверглось влиянию набравшего силы рационализма: Геродот испытал сильное воздействие ионийской философии и науки и идей Аристагора. Автор доклада опроверг бытующее среди некоторых ученых представление о том, что Геродот не искал подлинных причин событий, а руководствовался объяснениями религиозного характера.

К. Милета (Christian Mileta) (Галле-Виттенберг, Германия) представил доклад на тему «Полисы – туземные города – военные колонии. Размышления по поводу городской системы в эллини-

тической Малой Азии». Автор подчеркнул, что в эпоху Александра произошло принципиальное изменение политической и административной системы малоазийского региона по сравнению с предшествовавшим периодом персидского господства. В Малой Азии и эллинистическом мире в целом выделялись, с одной стороны, греческие города (πόλεις), с другой – населенные преимущественно коренными народами внутренние сельские районы (χώρα). В этой иерархии старые и вновь основанные полисы Малой Азии имели привилегированный статус. К. Милета отметил наиболее важные, на его взгляд, черты полисов эллинистического периода. Прежде всего, это более сложный состав населения, которое состояло из туземцев, прежних военных колонистов, греков и македонян, а также эмигрантов из других частей эллинистического мира. Также важными чертами эллинистической эпохи стало распространение полисной модели вплоть до Египта и Средней Азии и сохранение полисами традиционной конституционной и политической структуры, греческого языка и культуры. Несомненно, сделал вывод К. Милета, эллинизм был эпохой не падения, а динамичного распространения полисной модели. Доклад Ю.Б. Циркина (Великий Новгород / Санкт-Петербург) «Раннее средневековье или поздняя древность?» был посвящен дискуссионному вопросу – хронологии перехода в Европе от древности к средневековью. Автор указал, что понятие «поздняя древность» появилось в науке еще в 1889 г. После Второй мировой войны теория «поздней древности» стала все более распространяться и в настоящее время приобрела все «права гражданства». Под «поздней древностью» понимается период, когда античные механизмы еще не исчезли и в значительной степени сохранили свою работоспособность. Этот период обычно начинают со времени кризиса III в. н.э. или его преодоления императором Диоклетианом, верхняя же граница периода «поздней древности» спорна. Ю.Б. Циркин отметил, что существуют и другие концепции позднеантичного и раннесредневекового периода, в частности «теория кризиса», в соответствии с которой время распада и крушения Римской империи и сложения варварских королевств является периодом второго общесторического кризиса.

Во второй половине дня 29 октября начали работу секционные заседания. На конференции успешно работали секции по истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, истории античной культуры, истории раннего христианства и историографии. На первом заседании секции по истории древней Греции (председатель – О.В. Кулишова), посвященном преимущественно проблемам греческой архаики, были обсуждены семь докладов. А.Г. Курилов (Санкт-Петербург) в докладе «О роли института царской власти в военной деятельности дорийских общин архаической эпохи» подчеркнул, что достоинство басилея было неразрывно связано с его функциями военачальника. Однако, по мнению докладчика, закрепление этой функции за басилеями следует объяснять прежде всего религиозными, а не сугубо военными факторами. Война – экстремальный вид общественной деятельности, направленной на обеспечение условий существования социума; священная фигура царя была призвана мерами сакрального характера гарантировать поддержание или достижение этих условий. В докладе «Имя последнего лидийского царя из династии Гераклидов» С.М. Жестоканов (Санкт-Петербург) указал, что в античной традиции последний лидийский правитель известен под несколькими именами. Геродот сообщает, что лидийцы называли его Кандавлом, а греки – Мирсилом. Докладчик заключил, что имя Мирсил, содержащее possessивный суффикс -ί, является патронимом и означает «сын Мирсила», что подтверждается и сведениями из Николая Дамасского. С другой стороны, имя Кандавла, по видимому, было эпитетом или титулом лидийского царя. Гесикий считал его именем или эпитетом Гермеса или Геракла со значением «душитель собак». В соответствии с мифологической традицией именно Геракл был родоначальником дома Мирсила. Личным же именем лидийского царя было имя Садият, которое упоминает Николай Дамасский. Таким образом, три различных имени лидийского царя, по мнению С.М. Жестоканова, не представляют собой противоречащие варианты традиции: лидийский царь Садият (личное имя) был известен также под патронимом Мирсил и почетным родовым прозвищем-эпитетом Кандавл.

В докладе О.Ю. Владимирской (Санкт-Петербург) «Алкмеониды и Писистрат: к вопросу о борьбе аристократов и тиранов» было показано значение конфликта в аристократической среде для становления афинского государства в период архаики. По мнению автора, и аристократы, и тираны не придерживались принципиальных политических программ, а умело использовали сложившуюся ситуацию для достижения и сохранения своего влияния в Аттике. Тирания Писистрата, положив конец соперничеству аристократов внутри страны, позволила аттическому демосу развиваться без внутренних смут, так что к концу VI в. до н.э. Клисфен обращается к народу как к сложившейся силе. Введенный в завершение его реформ остракизм стал тем механизмом, который должен был защитить общество от политических амбиций сильной личности. В докладе Е.А. Венидиктовой (Казань) «О тирании в Аргосе в VII–VI вв. до н.э.» были проанализированы сообщения античных авторов, касавшихся этого значимого момента архаической истории

Аргоса и упоминавших аргосских тиранов. Особое внимание автор уделила вопросу о статусе аргосского правителя Фидона, который, по ее мнению, сначала занимал выборную должность царя, но впоследствии утвердил свою тираническую власть.

Л.А. Пальцева (Санкт-Петербург) в докладе «Судебные институты архаической Греции» поставила целью проанализировать свидетельства традиции, способные пролить свет на способ организации и структуру судебной власти в раннегреческом обществе. Автор отметила, что в VIII–VII вв. до н.э. в этой сфере происходят изменения, тесно связанные с введением письменных законов. В наиболее ранних источниках (Гомер, Гесиод, Гомеровские гимны Деметре и Гермесу) суд вели базилеи («цари»), которые составляли совет из числа людей наиболее высокого социального ранга. Новый тип суда появился в конце VII в. до н.э. в Катане (в результате реформ Харонда) и в Афинах (вследствие реформ Драконта и Солона). Судьи избирались из числа граждан разных классов, а сам состав суда стал более многочисленным. *Е.В. Макарова* (Великий Новгород) посвятила свой доклад теме «Ликурговы традиции и пифагорейская политическая практика (на примере Кротона)». Анализируя свидетельства традиции о посещении Пифагором Спарты и Крита до его приезда в Кротон, *Е.В. Макарова* заключила, что Пифагор в период своей деятельности в Кротоне использовал Ликурговы традиции организации политической жизни в Спарте, имевшей в конце VI в. до н.э. славу «идеального полиса». Это заимствование, по мнению автора, проявилось среди прочего и в некотором совпадении государственных форм. Заседание завершилось обсуждением доклада *П.В. Ковалева* (Москва) «Война Кротона и Сибариса: столкновение полисов или коалиций?», посвященного анализу особенностей политической жизни греческих полисов Южной Италии и Сицилии.

На первом заседании *секции по истории эллинизма* (председатель – В.П. Никоноров) было представлено пять докладов, вызвавших активную дискуссию. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Хиос при Александре Великом» рассмотрел политику Александра Македонского в отношении греческих полисов островов Эгейского моря и Малой Азии на основе интерпретации сохранившихся надписей – двух писем Александра Хиосу, а также относительно недавно открытого декрета о возвращении политических изгнанников. По мнению автора, новая надпись наиболее вероятно может быть датирована именно 332 годом до н.э., когда в связи с победами Александра над персами в городе окончательно установилась власть демократической группировки и встал вопрос о гражданском примирении и возвращении изгнанников. *А.К. Нефёдкин* (Санкт-Петербург / Фрайбург, Германия) посвятил свое выступление «Индийская кампания Александра Македонского в освещении историографии нового времени» анализу трудов ученых XIX–XX веков, в которых рассматривались события 327–325 годов до н.э. – войны Александра против индийских племен и, главным образом, битва при Гидаспе. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе «Федеральное собрание в Союзе акарнанов (III–II вв. до н.э.)» отметил, что союз акарнанов представлял собой одну из тех полисных федераций, которые выросли из племенных союзов и в эллинистический период занимали основную часть территории континентальной Греции. В докладе на основе анализа отрывочных сведений об устройстве этого союза были сделаны предположения относительно состава, периодичности созыва, места и порядка заседаний и объема полномочий верховного органа федерации – собрания, именуемого в различных источниках то «общей еклесией», то «тысячью».

В докладе «Проблемы македонской государственности эллинистической эпохи и некоторые научные мифы» *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) подчеркнул, что в связи со значительным расширением в последние два десятилетия числа источников (особенно эпиграфических) появилась возможность по-новому осветить целый ряд вопросов. Обратившись к титулатуре македонских правителей, автор пришел к выводу, что устоявшееся в науке мнение А. Эймара об официальном именовании правителя в Македонии со времени Александра Великого – βασιλεύς Μακεδόνων – не может быть признано корректным. Подобная титулатура эпизодически засвидетельствована только в связи с Кассандром и Филиппом V, и ее появление было связано с вполне конкретными политическими ситуациями. Ю.Н. Кузьмин указал, что нет никаких оснований говорить о необходимости санкционирования важнейших решений царя собранием воинов. Такой же вывод должен быть сделан и в связи с распространенной точкой зрения об утверждении нового царя войсковым собранием; корректнее говорить лишь о формальном представлении царя македонянам. В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Проблема типологии государственной власти в Малой Азии эпохи эллинизма» была предпринята попытка рассмотреть варианты формирования эллинистических государств в областях Переднего Востока. Автор подчеркнул, что эллинистическая государственность складывалась в малоазийском регионе на основе давних традиций и сложившихся институтов. По его мнению, один вариант представляли собой монархии, образовавшие в результате естественного развития родоплеменных структур – Вифиния, Галатия. Другой вари-

ант являют собой государства, сохранившие сильную иранскую традицию – традицию империи Ахеменидов; к этой категории относятся Каппадокия, Понтийское царство. Особым вариантом можно считать Пергамское царство, которое образовалось на основе власти правителя – тирана, утвердившегося в одном городе, создавшего династию, которая постепенно превратила свое первоначально незначительное владение в территориальное государство.

На заседании *секции по истории Рима* (председатель В.Н. Парфенов) были заслушаны шесть докладов. *А.В. Коптев* (Хельсинки, Финляндия) в докладе «Rex sacrosum и возникновение Римской республики» указал, что реформа царской власти, датируемая концом VI в. до н.э., совпадает по времени с освящением храма Юпитера Капитолийского. Согласно гипотезе Кр. Хенелла, с новым культом Juppiter Optimus Maximus был введен новый гражданский календарь с началом года 1 сентября. В результате, rex sacrosum, исполнявший главную роль в ритуалах прежнего календарного цикла, начинавшего с 1 марта, был отнесен на второй план жречеством, связанным с новым культом. В докладе была рассмотрена позиция Великого Понтифика в новом раскладе жреческих полномочий. Кроме того, автор обсудил гипотезу военно-жреческого (ритуального) происхождения консулата. Особенности религиозной жизни архаического Рима был посвящен также и доклад *А.Н. Грешных* (Москва) «Ранние римские культы».

О.В. Кармазина (Воронеж) в докладе «Этрусский период в истории Капуи» отметила, что новейшие открытия итальянских археологов позволили внести коррективы в наше представление о времени и характере пребывания этрусков в Капуе. Если ранее основание города связывалось непосредственно с проникновением этрусков в Кампанию, то теперь мы можем вести речь о формировании условий для возникновения городского поселения на месте будущей Капуи задолго до этого события, а именно в начале VIII в. до н.э. *О.В. Кармазина* подчеркнула, что этруски, несомненно, оказали большое влияние на строительство, экономическую и религиозную жизнь Капуи, однако ясно, что значение осков в развитии города было более значительным, чем представлялось прежде.

В докладе «Проблема основания римских колоний в Северной Африке в конце II в. до н.э.» *Д.А. Кирюшов* (Санкт-Петербург) выделил два этапа римской колонизации. Первый опыт колонизации, осуществленный Гаем Гракхом, представлял собой скорее компромиссный вариант: колония (Юнония) как таковая основана не была или просуществовала очень недолго, но земельные ассигнации в районе Карфагена проводились и после падения младшего Гракха, а уже выделенные участки не конфисковались (последнее подтверждается данными аграрного закона 111 г. до н.э.). Второй этап отмечен основанием по крайней мере двух колоний ветеранов Гая Мария (ок. 103 г.). И в гракханской Юнонии, и в поселениях марианских ветеранов колонистам предоставлялись очень большие (в сравнении с италийскими) наделы площадью от 100 до 200 югеров. Обработка таких участков силами одной семьи была практически невозможна, поэтому выходом из затруднительной ситуации стала сдача земли в аренду. Собственники участков становились отныне господствующим классом в Северной Африке, в то время как местное население переводилось на уровень мелких арендаторов.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «Римские популяры: терминология, идеологическая модель и политическая практика» отметил, что еще со времен Т. Моммзена в науке утвердилась теория борьбы в Риме двух больших партий, оптиматов и популяров, конфронтация которых прослеживается во времена от Гракхов до Цезаря. В 20–30-е годы XX в. эта теория была опровергнута в исследованиях ряда ведущих зарубежных ученых (М. Гельцер, Ф. Мюнцер, Г. Штрассбургер, Л.Э. Тейлор и др.), считавших, что в условиях древнего Рима речь могла идти только о «личных партиях» и разного рода клановых объединениях. Однако начиная с 60–70-х годов намечается известного рода компромисс между новыми теориями и концепцией Т. Моммзена (Хр. Мейер, Э. Линтотт, С.Л. Утченко и др.). Рассматривая данные о популярах, автор сделал вывод, что хотя это политическое течение не имеет ряда организационных характеристик, свойственных более позднему объединению, все же обнаруживает четкие признаки единства. Это была оппозиция сенату, точнее, наиболее активная и идеологизированная ее часть. По мнению А.Б. Егорова, судьба популяров разрушает миф о «свободе» Римской республики. Из 38 известных нам популяров свыше половины стали жертвами репрессий, судебных преследований и внесудебных расправ и только в 50-е годы популяры нашли защиту в лице Цезаря и его галльской армии. Завершил заседание доклад *Анара Нуру оглы Нуруллаева* (Санкт-Петербург) «К вопросу об образе Марка Юния Брута в античной традиции». Автор проследил основные этапы отличающейся крайней противоречивостью жизни и деятельности Марка Юния Брута.

На утреннем заседании 30 октября продолжила свою работу *секция по истории древней Греции* (председатель – В.М. Строецкий), было прослушано и обсуждено семь докладов. *В.Р. Гуцин* (Пермь) в докладе «“В эту пору... партия благородных не имела даже вождя”». Афинская

аристократия в середине V в. до н.э.» обратился к вопросу о роли аристократии как значимой социальной группы, а также отдельных лидеров знатного происхождения в политической борьбе в древних Афинах. По мнению автора, персональный фактор имел огромное значение в политической практике древних Афин, особенно для аристократии. Важной чертой политического процесса в Афинах в середине V в. до н.э. было то, что афинская аристократия время от времени лишалась лидеров, а вместе с ними и своего лидирующего положения в обществе. В докладе «Темы морали и справедливости в речах Фукидида» М.С. Абаимов (Нижегород) привел общие соображения о системе моральных ценностей в Греции классического периода, которые в условиях такого обширного конфликта, как Пелопоннесская война, не могли остаться прежними. Эти изменения нашли свое выражение в речах ораторов, идеологов политических событий того времени. Проанализировав ряд речей (речь афинян в Спарте [I, 73–78], митиленский диалог [III, 37–48], речь Гермocrates в Геле [IV, 59–64], речь Евфема в Камарине [VI, 82–87] и др.), автор заключил, что этот материал свидетельствует о формировании новой своеобразной системы моральных норм, в которой возникает отличное от традиционного понятие о справедливости, а основной вопрос внешнеполитической этики того времени – уместность и моральная оценка имперских устремлений – получает новую трактовку.

Доклад Т.В. Кудрявцевой (Санкт-Петербург) «Судебные проклятия как источник по афинскому судопроизводству» был посвящен анализу табличек с судебными проклятиями. По ее мнению, ряд примеров свидетельствует о том, что агрессивная «черная магия» использовалась не только простыми афинскими обывателями в делах по частным искам, но и определенными политическими группировками, преследующими политические цели в «государственных» процессах. О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Дельфийские реминисценции в греческой драме: театр в контексте полиса» рассмотрела вопрос о том, было ли демократическое устройство Афин необходимым и определяющим условием для расцвета театра. Автору более обоснованным представляется связывать театр со становлением и развитием полиса в целом, а не с какой-либо его формой, в частности демократической. О.В. Кулишова подчеркнула, что эта фундаментальная связь проявляется среди прочего и в изменении традиционных религиозных установок, отчетливо отразившихся в аттической драме. Изменения эти автор доклада проследила, исследуя тему Дельф (воплощавших религиозную традицию) у Эсхила, Софокла и Еврипида.

С.Г. Карпюк (Москва) в докладе «Афинские писцы/секретари как социокультурная группа» на основе анализа данных антропоники пришел к выводу о существенном отличии афинских писцов/секретарей от основной массы афинских граждан, в частности об очень значительном отличии их от наиболее социально активных сторонников демократии. Если судить по собственным именам, афинские писцы/секретари близки к членам фиссов (религиозных объединений). Это, по мнению автора, означает, что они сформировали особую социальную группу, отгороженную некими культурными рамками. Афинская демократия не препятствовала образованию и функционированию обслуживающих ее «элитарных» социальных групп: система контроля их деятельности народным собранием или другими демократическими институтами позволяла держать «слуг народа» под постоянным присмотром.

Д.В. Бубнов (Пермь) в докладе «Филист, Гелорис и формирование союза италиотов в начале IV в. до н.э.» указал, что одной из центральных фигур в главах «Исторической библиотеки» Диодора, посвященных событиям начала IV в. до н.э. в Южной Италии, является сиракузский изгнанник Гелорис. В докладе была предпринята попытка показать роль этого исторического лица в складывании военно-политического объединения италиотов и усилении конфронтации союза с сиракузским тираном Дионисием Старшим. Кроме того, автор рассмотрел вопрос об отношении к этим событиям Филиста и влиянии его оценок на изложение Диодора. В докладе «Скифы и Боспор от Агаэта до Савмака» Е.А. Молев (Нижегород) охарактеризовал взаимоотношения античных государств Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства, и окрестных варварских племен, главным образом скифов. По мнению автора, источники по данной проблеме свидетельствуют о тесных дружественных взаимосвязях этих двух этнополитических объединений во все времена, что привело в итоге к попытке образовавшейся на Боспоре скифской элиты взять власть в Боспорском царстве в свои руки во время восстания Савмака в конце II в. до н.э.

Одновременно с секцией древнегреческой истории также состоялось второе заседание *секции по истории эллинизма* (председатель – С.К. Сизов), на котором было заслушано четыре доклада. В докладе «Попытки государственного регулирования экономики в монархии Селевкидов» А.Г. Грушевой (Санкт-Петербург) остановился на анализе малоазийских надписей, датируемых рубежом III–II веков до н.э. Надписи из Сард, Иаса и Гераклеи на Латмосе, относящиеся ко времени правления Антиоха III, показывают, что вмешательство верховной власти в хозяйствен-

ную жизнь городов происходило в случае значительного уменьшения количества полноправных граждан, а также при отсутствии в городской казне средств для осуществления принципиально важных для городской жизни мероприятий. При этом верховная власть была готова идти на значительное облегчение налогового бремени и предлагала городской администрации целую серию мер, направленных на то, чтобы город мог сам заработать требуемые денежные средства. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Слоновые колесницы Антиоха IV» предпринял попытку объяснить появление на праздниках в Дафне (166 г. до н.э.) двух колесниц, запряженных парой и четверкой слонов (Polyb. XXX. 25.11. Ed. Büttner-Wobst). Данный сюжет имеет глубокие эллинистические корни – слоновую колесницу можно обнаружить на монетах Селевка I, а также на тетрадрахмах, выпущенных во время сорегентства его сына Антиоха I. По мнению автора, в целом для Селевкидов символ «слоновая колесница» означал власть над Востоком. Таким образом, появление их на праздниках в Дафне можно рассматривать как элемент пропаганды царской власти в преддверии предстоящего Восточного похода, начавшегося в 165 г. до н.э.

В.П. Никонов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Римляне в Бактрии? К вопросу о западных элементах в вооружении эллинистической Бактрии» анализу терракоты с изображением пешего воина с мечом и в доспехах, которая была найдена в крепости античного времени Кампыр-тепе в Северной Бактрии (ныне в Сурхандарьинской обл. Республики Узбекистан). Терракота датируется второй четвертью II в. до н.э. Анализ вооружения воина позволил автору утверждать, что оно сочетает в себе греческие и кельтские элементы и вовсе не является македонским или римским, как полагают некоторые исследователи. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе «Завещания эллинистических царей в пользу Рима: к постановке проблемы» обратился к уникальной в мировой истории практике, когда в период республиканского Рима разные эллинистические цари пять раз оставляли завещания, по которым после их смерти государства их должны были перейти к «сенату и народу римскому». Определяя причины появления столь странных «завещаний», автор доклада заключил, что все они появились в результате целенаправленной работы римского сената.

Утром 30 октября также продолжила свою работу *секция по истории Рима* (председатель – А.Б. Егоров). Вниманию слушателей было предложено пять докладов, посвященных преимущественно истории Рима в эпоху Поздней республики и Ранней империи. В докладе «Цицерон – путешественник поневоле» *М.В. Белкин* (Санкт-Петербург) отметил, что Цицерон не любил путешествовать, однако восемь лет жизни провел вдали от Рима и Италии, хотя и против своей воли. Доклад *С.М. Адамского* (Санкт-Петербург) «Интерпретация Цицероном событий политической жизни Рима после убийства Цезаря (по «Филиппикам»)» был посвящен реконструкции и анализу столкновения в сенате взглядов Цицерона и его оппонентов. Аргументацию Цицерона С.М. Адамский сравнил с трактовкой сторонников Антония и интерпретацией событий данного периода, закрепившейся в официальной историографии эпохи Августа.

И.П. Портягина (Тверь) в докладе «Юлия Старшая в системе династической политики Августа» отметила, что «Дело Юлии» едва ли было только процессом о супружеской измене, за ним крылось крупное политическое дело, вероятно, реально существовавший (или мнимый) заговор, факт которого и хотел скрыть Август. В докладе «Причины британского похода Клавдия» *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) отметила в числе таковых во-первых, наличие свободных римских войск, стоявших на Дунае, Рейне и в Испании, во-вторых, незавершенность завоевательной политики в отношении Британии, начатой Калигулой, в-третьих, стремление овладеть богатствами Британии, о которых римлянам стало известно. Наконец, успеху предприятия должна была способствовать нестабильная политическая ситуация в самой Британии. В докладе «Молитва, гимн и мученичество в ранней христианской традиции» *В.В. Василюк* (Санкт-Петербург) рассмотрел специфику христианского обращения к Богу, а также феномен христианского мученичества.

Во второй половине дня 30 октября секции возобновили свою работу. На третьем заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – С.М. Жестоканов) вниманию слушателей было предложено семь докладов. В докладе «Тирания Тридцати в Афинах в 404/3 г. до н.э.: обзор источников и литературы» *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) отметила, что несмотря на наличие хорошей источниковой базы, все попытки исследователей детально восстановить последовательность событий в Афинах в 404/403 г. наталкиваются на расхождение источников в освещении отдельных этапов этого процесса. Что касается новейшей историографии, то в русскоязычной литературе теме правления Тридцати тиранов и их свержения уделялось очень мало внимания. Иностранные авторы гораздо чаще обращались к этому сюжету. В докладе *А.А. Синуцына* (Саратов) «Брасид и Пердикка II: к истории одного союза в освещении Фукидида» были рассмотрены обстоятельства халкидико-фракийской кампании пелопоннессцев. Предметом обсуждения стал

союз Македонии и Спарты в 424–423 годах до н.э. и попытки совместных военных акций македонского царя Пердикки II и спартанского военачальника Брасида. Фукидид стремится показать, что вопреки эгоистичному и изменчивому поведению македонского царя именно самостоятельность Брасида обусловила успех спартацев на севере Греции. Докладчик проследил динамику взаимоотношений союзников, их явные и скрытые намерения и то, в какой мере были оправданы расчеты каждой из сторон, составивших этот кратковременный и непрочный альянс.

Два следующих доклада – *М.Н. Хими́на* (Санкт-Петербург) «Союз Зевса и Фетиды в системе теогонических представлений древних греков» и *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Эллинские обычаи и религиозные празднества» – были посвящены исследованию различных аспектов античной религии и мифологии. В частности, А.Б. Шарнина подчеркнула, что праздники, сопровождающиеся состязаниями, победа в которых отмечалась наградами (символическими или весьма ценными), стали важной частью общественной жизни эллинов и одной из форм связей между общинами в период становления полиса. Однако, по ее мнению, как общегреческие, так и местные игры восходят к древним традициям, прежде всего к обычаю гостеприимства, дававшему гостю защиту и сопровождавшемуся обменом подарками и угощением. Кроме того, важную роль в становлении панэллинских центров и праздников сыграла также неприкосновенность личности на территории святилища. Большое значение имел также образ жизни греческой элиты, неотъемлемой частью которого были пиры и занятия спортом.

В докладе «Сценические функции хора аттической трагедии V в. до н.э.». *Н.С. Крылова* (Санкт-Петербург), сосредоточившись на эстетической проблематике, обозначила в этой связи важнейшие функции хора, который выступал и камертоном, сонастраивающим оркестру и театр, и носителем ритмического начала, и словесной декорацией, и пространственно-временным континуумом спектакля, и его музыкальным оформлением. Автор положила в основу доклада положение аристократической «Поэтики» (18. 1456a 25–26), согласно которому хор – один из актеров в системе аттической трагедии. По мнению Н.С. Крыловой, вся эволюция аттической трагедии – не столько редукция хора, сколько наращивание его сценических функций.

Два заключительных доклада – *А.А. Земсковой* (Москва) «Религиозные представления населения европейского Боспора по данным погребальных памятников в I–III вв. н.э.» и *А.Б. Давыдовой* (Москва) «Некоторые аспекты культа Сераписа в римском Египте» – были посвящены особенностям религиозной жизни на периферии античного мира. А.Б. Давыдова отметила, что, несмотря на отрывочность сохранившихся сведений, они дают возможность реконструировать практику поклонения Серапису. Она включала в себя мистерии, что характерно и для других восточных культов. В то же время для культа Сераписа, видимо, были характерны ежегодные празднества со священным пиршеством и культовыми шествиями, что в целом напоминает поклонение эллинским богам. Таким образом, культ Сераписа имел черты, сходные с различными восточными и греческими культами, которые имели распространение в римскую эпоху; в то же время ему был присущ и целый ряд отличающих его особенностей.

На дневном заседании 30 октября завершила работу *секция по истории Рима* (председатель – М.В. Белкин). На третьем заседании было заслушано пять докладов. В докладе *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) «Сенаторская оппозиция при Флавиях: опыт типологической характеристики» были исследованы структура сенатской оппозиции, ее мотивы и цели, особенности проявления недовольства сенаторов, а также последующая судьба и роль сенатской оппозиции в развитии системы принципата. Е.Л. Смирнова указала, что сенатская оппозиция, несмотря на трагическую судьбу большинства ее участников, в немалой степени способствовала смягчению режима принципата во II в. н.э. *В.Н. Парфенов* (Саратов) в докладе «*Καῖσαρ ὁ τότε*. Энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод?» обратился к анализу текста уцелевшего фрагмента большой надписи-энкомия (*ἐγκώμιον, laudatio funebris*), найденной в Керчи и опубликованной в 2005 г. В тексте среди прочих заслуг покойного названа и его победа над аланами, которую сочли в Риме настолько важной, что победитель был удостоен аудиенции у императора, именуемого в надписи «тогдашним цезарем» (*Καῖσαρ ὁ τότε*). Таковым мог быть либо Домициан, либо Коммод, память о которых сенат постановил предать забвению (*damnatio memoriae*). Проанализировав аргументы *pro* и *contra*, а также принимая во внимание стратегическую ситуацию в Причерноморье и бассейне Дуная, наконец, личностные особенности обоих императоров, автор пришел к выводу, что под выражением *Καῖσαρ ὁ τότε* подразумевается именно Домициан.

В докладе «Лелиан и некоторые спорные аспекты хронологии Галльской империи» *Ю.В. Куликова* (Москва) показала, как на основании нумизматических данных восстанавливается последовательность правления галльских императоров – Постума, Мария, Викторина, Тетрика. Особенное внимание в докладе Ю.В. Куликова уделено дискуссионному вопросу о том, являлся ли Лелиан, который поднял мятеж в Могонтиаке (совр. Майнц), императором или был лишь

мятежником. Заседание завершилось докладами *Д.Ф. Шупилова* (Великий Новгород) – «Вестготы Алариха: к оценке системы политических отношений» и *А.С. Волčkова* (Санкт-Петербург) – «Рабы в религиозных союзах Римской империи».

Утром 31 октября на заседании *секции по истории античной культуры* (председатель – И.В. Пьянков) выступило шесть докладчиков. Первым был заслушан доклад *А.В. Гороховой* (Москва) «К вопросу о роли пророчеств в Греции и Риме». В Греции в архаическую эпоху авторитетные религиозные центры, составлявшие пророчества, принимали участие в колонизации, в становлении греческого права. В эпоху классики предсказания оракулов нередко служили орудием политической борьбы. В Риме на первый план вышли оракулы знаков: интерпретация знамений была делом государственной важности и имела ярко выраженную политическую направленность. Поэтому в Риме важную роль играли коллегии авгуров, а вся римская общественная жизнь была связана с ауспигиями. *А.В. Мосолкин* (Саратов) в докладе «*Tabula Iliaca Capitolina*: мог ли Стесихор знать миф о путешествии Энея к берегам Италии?» отметил, что содержание надписи, которую называют *Tabula Iliaca Capitolina* и датируют, вероятно, концом I в. до н.э. – I в. н.э., в некотором отношении безусловно связано с мифологическим сюжетом о падении Трои и бегстве Энея вместе с домочадцами в Италию. Надпись имеет заглавие: *ΙΛΙΟΥ ΠΕΡΣΙΣ ΚΑΤΑ ΣΤΗΣΙΧΟΡΟΝ* и примечательную строку: *ΑΙΝΕΑΣ ΣΥΝ ΤΟΙΣ ΙΔΙΟΙΣ ΑΠΑΙΡΟΝ ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΣΠΕΡΙΑΝ*. Многие современные исследователи полагают, что эта надпись является позднейшей подделкой в угоду роду Юлиев. Однако автору представляется вполне вероятным, что Стесихору (ок. 580 г. до н.э.) был известен сюжет о путешествии Энея.

В докладе «*Фортуна и Марий в Bellum Iugurthinum* Саллюстия» *А.В. Короленков* (Москва) подчеркнул, что оценка действий Марция зависит от его отношения к *fors-fortuna*. Как говорится во введении к сочинению, истинно доблестный человек не нуждается в помощи фортуны (1.3). Марий же, поверив оракулу, советовавшему ему чаще испытывать судьбу (63.1), совершает неблагоприятные или опрометчивые поступки: борется за консулат, клеветничает на Метелла и втягиваясь в борьбу «партий», необдуманно нападает на мулуккскую цитадель, осада которой увенчивается успехом только благодаря случайности. Но в тех случаях, когда полководец не полагается на удачу, а действует предусмотрительно и разумно, его поступки оцениваются положительно. Согласно учению стоиков, которому в данном случае следует Саллюстий, важен не успех, а то, в каком состоянии духа совершен поступок. Отказ от надежд на *fors-fortuna* и позволяет Марцию обрести состояние духа, достойное доблестного мужа. В докладе *Д.А. Щеглова* (Санкт-Петербург) «*Географическая работа Марка Випсания Агриппы*» были затронуты дискуссионные вопросы, касающиеся реконструкции работы Агриппы и оценки ее роли в развитии географии античной эпохи. Автор рассмотрел историю изучения этой темы и особо отметил «тупиковые» направления в уже осуществленных исследованиях.

В докладе *В.М. Александровой* (Великий Новгород) «*Признаки зороастризма в религии древних персов* (по данным античных авторов)» рассматривалась степень проникновения зороастризма в комплекс религиозных верований древних персов и были сделаны некоторые выводы относительно характера их религиозности. В докладе *К.А. Мурсалимова* (Воронеж) «*Рецепция античных представлений о естественном праве в британской политической мысли раннего нового времени*» было показано повышенное внимание британской политической мысли раннего нового времени к так называемой концепции естественного права, а также к имеющим с ней много общего теориям общественного договора и сопротивления тиранам. Теории эти в своей основе следовали в русле преимущественно аристотелевской традиции и стоицизма. Гуманистическая традиция, доминировавшая на заре нового времени, апеллировала большей частью не к современным ей реалиям и авторитетам, а непосредственно к классическим текстам античности. Гуманизм вслед за античной традицией видел в человеке прежде всего гражданина, а не подданного, положение которого обуславливалось не столько преданностью властям, сколько активным участием в политической жизни общества или всеобщей деятельностью при правителе, заботящемся об общем благе, причем последнее интерпретировалось в соответствии с теорией «естественного права».

31 октября работала также *секция по истории раннего христианства*, на которой было заслушано и обсуждено пять докладов. Тема доклада *А.Д. Пантелева* – «*Семья и брак в валентинианском гнозисе*». Автор показал, что валентиниане не проповедовали строгое воздержание, обязательное для всех членов их общины; наоборот, они учили, что брак играет важную роль в спасении всего мира, а «рождение» способствует восстановлению целостности высшего духовного мира – Плеромы. Для «совершенных» пневматиков и «несовершенных» психиков идеологами валентинианского учения предлагались две различные модели поведения. В отличие от психиков, чей брак был «нечистым», «плотским», брак пневматиков был «духовным», подражая

сизигиям духовных эпох. В результате такого сочетания образовывалась новая душа, способная воспринять зерно высшего света. Это составляло основное содержание таинства «брачного чертога». *Е.В. Сергеева* (Великий Новгород) в докладе «“Истина сильнее обычая”: к дискуссии о женском покрывале в трактатах Тертуллиана и Киприана» отметила, что для Тертуллиана главная причина использования женщинами покрывала заключается в скромности и стремлении следовать лучшим примерам Писания. Обычай покрывать голову женщин трактуется Тертуллианом в контексте христианского требования к женской чистоте. По мнению Киприана, женщина должна покрывать голову не только в знак признания власти мужа, но также в знак ее вины в грехопадении, в знак стыда и греховной природы. Как заключила автор, обе концепции оказали влияние на формирование христианского мировоззрения.

В докладе «Зависимость христианских воззрений от политической обстановки в Римской империи во II–IV вв. (по материалам Римской Африки)» *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) указал, что политическая обстановка в Римской империи самым серьезным образом влияла на формирование христианской церкви и ее догматики. В условиях постоянных нападков со стороны римского общества и государства христианские группы начали мимикрировать под традиционные античные объединения. Их структура с ярко выраженной вертикалью управления стала характерной и для ранней церкви. Вместе с этим христиане оставались людьми своего времени, и образ Империи и господствующая в тот или иной момент модель власти нередко воспринимались как единственно возможное, как отражение небесного порядка на земле. Фиксируя это в практике и догматике, верующие тем самым создавали христианский канон в непосредственной зависимости от политической системы. В докладе *И.А. Копылова* (Москва) «Этнический облик арианской церкви вандалов в Римской Африке (V–VI вв.)» был отмечен неоднородный этнический состав членов арианской церкви: ее костяк составляли по преимуществу германцы, но основным контингентом было романизованное население – клирики и миряне, отступившие от никейской веры. В отличие от ортодоксальной церкви Африки, где епархии были тесно связаны с городом, арианские епархии у вандалов (как и у других германцев) были привязаны не к муниципиям, а к народам (*gentes*) или областям (*regiones*). Однако в скором времени арианская церковь вандалов стала приобретать структуру, характерную для ортодоксальной церкви Африки, что было обусловлено значительной романизацией варваров. *А.Б. Ванькова* (Москва) в докладе «Монастыри и монахи: предоставление убежища и защита преследуемых (конец IV–VI вв.)» на основе анализа данных позднеримского законодательства и агиографии рассмотрела две взаимосвязанные проблемы, касающиеся восприятия монахов в восточноримской империи как заступников и патронов в случае конфликта с властями или судебного преследования. Был исследован вопрос о том, имели ли монастыри право предоставления убежища, а также рассмотрены свидетельства агиографии и римских законов (в первую очередь CTh. 11. 30.57) о попытках монахов повлиять на ход судопроизводства или же воспрепятствовать отправлению правосудия.

Утром 31 октября состоялась заседание *секции по историографии античной истории* (председатель – К.В. Вержбицкий), на котором было прослушано пять докладов. В докладе «М.С. Куторга как личность и педагог (к проблеме формирования первой отечественной школы антиковедения)» *А.М. Скворцов* (Челябинск) охарактеризовал замечательные свойства личности М.С. Куторги, благодаря которым он стал создателем научной школы, чему способствовали также его исследовательский талант, либеральные политические воззрения, приверженность к критическому методу в исторических исследованиях. Большой интерес аудитории вызвал доклад *Е.Б. Сосниной* (Иваново) «Возникновение Немецкого Археологического института в Риме, его практическое значение в процессе интернационализации науки об античности в XIX веке». Автор отметила, что Немецкий Археологический институт в Риме имел интернациональный состав сотрудников, объединил ученых многих стран и оказал существенное влияние на изучение и преподавание истории и археологии в немецких и других европейских университетах, где работали его сотрудники и корреспонденты. Научные командировки в Италию молодых российских ученых-антиковедов в 1840-х, затем, после перерыва, в 1860-х и последующих годах XIX в. способствовали развитию прочных контактов с европейскими исследователями (преимущественно немецкими, итальянскими и французскими).

Одному из аспектов изучения наследия выдающегося российского ученого М.И. Ростовцева был посвящен доклад *С.Ю. Завельской* (Санкт-Петербург) «Книжное собрание профессора М.И. Ростовцева в фондах Научной библиотеки им. М. Горького в Санкт-Петербургском университете». Доклад *П.С. Александрова* (Великий Новгород) «И.М. Дьяконов и его научное наследие» был посвящен жизненному и научному пути крупнейшего отечественного востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). Его имя широко известно не только в отечественной науке, но и за рубежом. Его отличала необычайная широта научных интересов, он был выдающим-

ся исследователем языков, истории и культуры Древнего Востока. Всего им было опубликовано около 30 монографий и более 500 статей, большая часть из которых по-прежнему сохраняют свою научную значимость. Его кандидатская диссертация «Развитие земельных отношений в Ассирии» заложила фундамент для развития отечественной ассириологии. Вместе с В.А. Лившицем он проделал сложнейшую работу по дешифровке и публикации парфянских документов из древней Нисы, за что ученые были удостоены звания членов Британской академии. В докладе *В.Т. Бериашивили* (Валдай) «Влияние политической идеологии на исторические исследования в рамках формационного и цивилизационного подходов» особое внимание было уделено состоянию отечественной исторической науки в связи с изменениями политической системы и идеологии. Автор затронул также более общий вопрос о том, может ли история быть наукой, независимой от политических влияний.

Во второй половине дня 31 октября состоялось заключительное пленарное заседание конференции. Его открыл своим докладом «Парадокс Гомера» профессор Лондонского университета (Royal Holloway, Великобритания) *Ахувиа Кахане* (Ahuvia Kahane). Он отметил, что и личность, и творчество Гомера связаны с множеством парадоксов: Гомер безусловно является наиболее известным древнегреческим поэтом, но при этом о нем достоверно ничего не известно; поэмы Гомера, прежде всего «Илиада», – это поэмы о войне и героях, соответственно и настоящими героями в «Илиаде» являются мужчины, но «мужская» поэма заканчивается тремя длинными речами женщин – Гекубы, Андромахи и, наконец, Елены, явившейся причиной войны и многих страданий мужчин в гомеровском мире; поэмы, считающиеся произведениями устного творчества, должны были исполняться устно, но во всех наших источниках, по мнению автора, нет ни одного свидетельства устного исполнения полного текста «Илиады» или «Одиссеи». Ключ к решению этих парадоксов, по мнению автора, лежит в характере знания, передаваемого в поэмах в парадоксальной и иносказательной форме. Оно, подобно предсказаниям, пророчествам оракула, является высшим, трансцендентным знанием, что и делает Гомера тем, кем он является – уникальным поэтом в литературной традиции Запада. *И.В. Пьянков* (Великий Новгород) в докладе «Скифский рассказ Геродота в трактовке С.А. Жебелёва» обратился к анализу творческого наследия академика С.А. Жебелёва, в частности, предложенного им объяснения некоторых географических и исторических реалий в рассказе Геродота о Северном Причерноморье. С.А. Жебелёвым была написана большая статья «Скифский рассказ Геродота», в которой автор высказал свои соображения по поводу спорного вопроса о скифском торговом пути от Танаиса к аргоппеям и исседонам, или, иначе говоря, от Северного Причерноморья к Уральскому региону. *И.В. Пьянков* обратился к этому сюжету на основе не только античной литературной традиции, но также с привлечением археологических материалов. Важным выводом автора доклада стало заключение о том, что трактовка скифского пути, предложенная в свое время С.А. Жебелёвым, в основном подтверждается и новыми данными.

В докладе «Риторика и политический деятель в классических Афинах (некоторые примеры из Фукидида)» профессор университета Никосии (Кипр) *Антонис Тсакмакис* (Antonis Tsakmakis) отметил, что зачатки политической риторики можно усмотреть еще в «Илиаде» Гомера, где Ахилл и Агамемнон обсуждали вопрос о праве на власть и об обязанностях правителя перед его подданными. В классический период риторику в своей «Истории» использовал Геродот, а софисты считали риторику главным орудием убеждения. Затем сложившуюся традицию продолжил Фукидид. Прежде всего выдающимся оратором представлен в его историческом труде Перикл. Многочисленные речи, с которыми выступают другие политические деятели, демонстрируют тонкую стилизацию, выраженную в содержании, форме, словоупотреблении и др. Например, речи Архидама, Брасида и других спартанцев отличаются краткостью и предельной ясностью мысли, построены короткими фразами, четкими и емкими. Речи же афинских политических деятелей более изощренные, несут на себе печать тщательных риторических упражнений. Кроме того, речи политиков имеют и индивидуальные характеристики. Например, Клеон, которого Фукидид знал лично, на основе речей предстает перед читателем эгоистичным и агрессивным политиком, обладающим недюжинной энергией и напором. Автор доклада подчеркнул, что особенное использование риторики в политической жизни Афин классического периода было стимулировано самими демократическими институтами.

Профессор Лондонского университета (Ройал Холлоуэй, Лондон, Великобритания) *Эдит Холл* (Edith Hall) в докладе «Античная пантомима в культуре Римской империи» отметила, что пантомима представляет собой утраченный вид искусства, имевший широкое распространение, обладавший глубоким общественным влиянием и с самого начала игравший определенную роль в римской политической жизни. Так, например, римские молодые аристократы всаднического сословия нередко были в близких отношениях с танцорами пантомимы и благодаря этому

находили способы через них выражать свою неудовлетворенность императорской властью. Кроме того, искусство пантомимы с его разработанными жестами и детальной имитацией страстей отражало также и другие типы культурной практики: от риторической декламации до эпической поэзии, от изобразительных и декоративных искусств до философии и любовной лирики. По мнению Э. Холл, пантомима играла большую роль в воспитании у жителей Римской империи любви к мифологии и знания мифологической традиции. Наконец, пантомима как вид сценического искусства стала одним из способов сохранения в Римской империи традиции классической греческой трагедии, поскольку по существу она была наследницей греческой драматургии.

Завершая обозрение десятых «Жебелёвских чтений», можно признать, что работа конференции оказалась вполне достойной своего юбилея: она прошла на редкость интересно и плодотворно. Надо отметить высокий уровень большинства докладов, их активное обсуждение на секционных заседаниях, удачную подборку выступлений на пленарных заседаниях. Порадовало участие в работе конференции не только коллег из многих городов России, но и специалистов из ряда зарубежных научных центров, что вселяет надежду на дальнейшее плодотворное развитие контактов и сотрудничества представителей разных школ, всех, кто вовлечен в изучение истории и культуры античного мира.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2009 г.

XVI СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (28–30 января 2009 г.)

28–30 января 2009 г. кафедра истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова провела очередные XVI Сергеевские чтения – традиционная конференция исследователей из России и стран СНГ по истории, археологии и культуре практически всех регионов древнего мира, которая проводится в честь основателя кафедры профессора В.С. Сергеева. Нынешние Сергеевские чтения собрали представителей вузов, музеев и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга и еще 17 городов России; в конференции участвовали также коллеги из Украины и Белоруссии. Всего на XVI Сергеевских чтениях было сделано 156 докладов. Состоялось два пленарных заседания и 21 заседание девяти секций: истории древнего Востока (с подсекциями истории древней Азии и истории древнего Египта), истории древней Греции (с подсекциями истории и культуры классической Греции и истории эллинизма), истории древнего Рима (с подсекциями истории Республики и истории Империи), древнего права, истории Мезоамерики, истории и археологии античного Причерноморья и историографии античной истории. Многообразие заявленных докладов позволило впервые за годы проведения Сергеевских чтений сформировать отдельные секции исторической географии античности и истории античного христианства.

XVI Сергеевские чтения были открыты утром 28 января председателем их Оргкомитета, ведущим кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ проф. *В.И. Кузициным*. Собравшиеся почтили память ушедшего в 2008 г. главного редактора журнала «Вестник древней истории» академика РАН Г.М. Бонгард-Левина – выдающегося ученого и организатора науки, долгие годы бывшего неизменным гостем Сергеевских чтений. С приветственными словами, включавшими рассказ о деятельности «эпонима» конференции – основателя кафедры истории древнего мира В.С. Сергеева, а также о работе кафедры на нынешнем этапе выступили зам. декана исторического факультета МГУ проф. *Л.С. Леонова* и проф. *В.И. Кузицин*.

На первом пленарном заседании XVI Сергеевских чтений (председатели *В.И. Кузицин, В.М. Строецкий*) прозвучало четыре доклада. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Театр и афинская демократия» отметила, что вряд ли возникновение театра в Афинах и его институциональные формы обязаны исключительно демократическому устройству этого крупнейшего